

«Дело Максима Киника» и 4-е правило Второго Вселенского Собора и их значение в дискуссии о хиротониях

Епископ Белгородский Сильвестр, викарий Киевской митрополии, ректор Киевской духовной академии и семинарии В современных дискуссиях о церковных расколах и путях их преодоления сторонники разных точек зрения приводят в качестве аргументов в свою пользу различные исторические прецеденты. К сожалению, среди активно обсуждаемых сегодня сюжетов церковной истории почти не упоминается конфликтная ситуация, сложившаяся в Константинополе в 380 г. в связи с попыткой Максима Киника сместить со столичной кафедры свт. Григория Богослова. Эта история заслуживает особого внимания уже хотя бы потому, что она обсуждалась на II Вселенском Соборе, который даже принял против Максима специальный канон (4-е правило).

Максим Киник и его попытка занять Константинопольскую кафедру Источники сохранили о Максиме Кинике совсем мало сведений. К тому же они весьма противоречивы и едва ли могут быть сведены к общему знаменателю. О нем можно встретить как восторженные отзывы современников, так и уничижительную критику. Например, свт. Григорий Богослов в разных своих

сочинениях отзываясь о Максиме диаметрально противоположным образом. Всё это затрудняет реконструкцию исторического облика этого человека.

Максим родился и вырос в Египте. Там же он стал приверженцем философии киников, отчего и получил свое прозвище. В Александрии Максим был подвергнут бичеванию и тюремному заключению. Сам он говорил, что пострадал за приверженность никейскому исповеданию веры. Но позже его противники говорили, что он был наказан не за свои убеждения, а за реальные преступления. Видимо, в 379 г. он появился в Константинополе, где сблизился со свт. Григорием Богословом. Последний даже поселил Максима у себя в доме. Как писал позже сам Григорий в поэме «О моей жизни» («De vita sua»), он делил с Максимом «и кров..., и веру, и намеренья»¹.

Свт. Григорий составил в честь Максима похвальное слово (Слово 25)². В этом слове Максим скрыт под именем «философа Иерона». О том, что Иерон и Максим – это одно и то же лицо, говорил уже блаж. Иероним Стридонский. В сочинении «О знаменитых мужах» он пишет: «Похвальное Слово Максиму-философу, по возвращении его из ссылки, имя которого в заглавии некоторые несправедливо заменили именем Иерона на том основании, что есть другое сочинение Григория, заключающее в себе порицание этого Максима, как будто нельзя было одного и того же человека в одно время хвалить, а в другое время – порицать» (О знаменитых мужах, 127)³. Тожественность Максима Киника и философа Иерона единодушно признается и современными исследователями.

В своем слове в честь Иерона-Максима свт. Григорий награждает его многими похвалами. Он говорит об Иероне как о человеке знатного происхождения, получившем хорошее образование и ведущем аскетический образ жизни. Иерон в этом слове предстает последовательным защитником истинной веры. Вполне очевидно, что свт. Григорий какое-то время находился под обаянием личности Максима.

Как видно из поэмы «О моей жизни», Максим имел сан пресвитера и сильно этим гордился. Свт. Григорий пишет об этом с иронией: Тогда он подхватить успел уже Болезнь священства – тяжкое последствие Греха Адама – зависть прирожденную.

О, как живуча злоба первородная! Однако из этих слов нельзя понять, кем и когда Максим был рукоположен⁴. Свт. Григорий пишет, что регулярно совершал вместе с Максимом богослужения: Он не был мною ущемлен ни в почестях,

Ни в предстоянье у престола Божьего. Сблизившись со свт. Григорием и заручившись его доверием, Максим неожиданно предпринял попытку свергнуть его с Константинопольского престола и самому стать Константинопольским епископом. Хотя свт. Григорий и говорит об этом

бунте как о коварном замысле Максима, всё же он специально подчеркивает, что Максим действовал при поддержке Александрийской Церкви. Таким образом, случившийся конфликт был, скорее всего, результатом сложной интриги Александрийского архиепископа Петра II.

Нельзя забывать, что эпоха арианских споров, разыгравшихся после I Вселенского Собора, была также и временем напряженной борьбы между основными церковными центрами: Римом, Александрией, Антиохией, Константинополем. В этой борьбе богословские вопросы тесно переплетались с церковно-политическими. Это была борьба между авторитетными кафедрами за сферы влияния. Очевидно, Максим Киник действовал в рамках этой борьбы.

Положение свт. Григория в Константинополе было несколько особым. В 372 г. он был рукоположен во епископа Сасимского. Однако в 379 г. по просьбе православной общины Константинополя он переехал в восточную столицу империи. В то время на Константинопольской кафедре находился еп. Демофил, принадлежавший к партии омиев. Приверженцы никейского исповедания отказывались подчиняться Демофилу и совершали свои богослужения в небольшом домовом храме, устроенном на вилле сенатора Авлавия. Таким образом, когда свт. Григорий прибыл в Константинополь, здесь еще господствовала партия омиев⁵, а сам Григорий официально не являлся Константинопольским епископом, хотя и прибыл сюда по просьбе местной православной общины⁶.

Очевидно, воспользовавшись неопределенным положением свт. Григория, Александрийский архиепископ Петр II решил возвести на Константинопольский престол своего кандидата, которым и стал Максим. Как пишет сам свт. Григорий, сначала Максим нашел нескольких единомышленников среди константинопольских клириков, а затем уже договорился о своем рукоположении во епископы с Александрийским архиепископом. Очевидно, весной 380 г. в Константинополь из Египта прибыли посланники архиеп. Петра, которые должны были подготовить совершение хиротонии Максима, а затем из Египта приплыли три епископа для совершения хиротонии Максима. Свт. Григорий принял их с почестями, не подозревая их подлинных намерений. Он прямо пишет, что епископы были посланы в Константинополь Александрийским предстоятелем с целью рукоположения Максима.

Интрига, поддержанная Александрийским предстоятелем, стала для Григория тяжелым ударом. Как он пишет, ранее Александрийский архиепископ направил в Константинополь грамоту, в которой признавал свт. Григория законным Константинопольским епископом. И вдруг такая перемена! Что же касается константинопольских клириков, перешедших на сторону Максима, то здесь свт. Григорий подозревал подкуп. Кроме того, он пишет, что Максим привлекал людей на свою сторону пустыми обещаниями.

Очевидно, в начале лета 380 г., когда сам свт. Григорий был болен, прибыли из Египта епископы для рукоположения Максима. Свт. Григорий рассказывает об этом так: Они хотели тайно, не уведомив ни клир, ни паству, ни меня – их пастыря,

Собаку⁷ эту возвести на кафедру, сказав, что это было им приказано. Прибывшие из Египта епископы при помощи александрийских моряков проникли ночью в церковь Воскресения в Константинополе и начали совершать Литургию, за которой должна была состояться епископская хиротония Максима. Однако об этом стало известно в городе, и к церкви собрался народ, который изгнал епископов из храма. О том, что было дальше, свт. Григорий пишет так:

Тогда из храма спешно убрались они, скорбя, что цель их не была достигнута, но, чтоб бесплодным не оставить зло свое, они-то действие все-таки закончили, и в жалком обиталище хормейстера, в присутствии каких-то темных личностей,

почтенными наперсниками Господа был рукоположен в патриаршество. Таким образом, хиротония Максима все же была совершена. С этого момента Максим заявил, что является законным Константинопольским епископом. На его сторону стали некоторые клирики. Максим рассчитывал получить поддержку императора Феодосия, который в то время находился в Фессалониках. Однако при дворе императора он поддержки не нашел, поскольку ранее Феодосий уже одобрил переезд в Константинополь свт. Григория. Император передал дело Максима на рассмотрение епископа Асхолия Фессалоникийского, а тот, в свою очередь, начал по этому вопросу консультации с Римом.

Не достигнув желаемого, Максим отправился сначала в Александрию, а оттуда – на Запад, стремясь заручиться поддержкой западных епископов. «Дело Максима» на Втором Вселенском Соборе 24 ноября 380 г. император Феодосий вступил в Константинополь. Он предложил еп. Демофилу подписать православное исповедание веры. Когда Демофил отказался это сделать, он был изгнан из города вместе со своими сторонниками. После этого император передал кафедральный собор святых апостолов свт. Григорию, признав его законным епископом Константинополя. Однако Максима продолжали поддерживать в Александрии. К тому же и статус свт. Григория оставался не вполне ясным. Сомнения в законности его перемещения с одной кафедры на другую рассеяны не были⁸. Всё это привело к тому, что в 381 г. вопрос о Константинопольской кафедре обсуждался на II Вселенском Соборе.

Решение по поводу Максима Киника было оформлено на Соборе в виде особого правила – 4-го. В этом каноне попытка Максима занять Константинопольскую кафедру названа «бесчинием». Его рукоположение, а также все совершенные им хиротонии объявлены «не бывшими». Таким образом, Собор однозначно осудил Максима.

Это решение было принято на Соборе до того, как в Константинополь прибыл Александрийский архиепископ Тимофей, сменивший Петра в начале 381 г. Хотя ранее Тимофей поддерживал Максима, но, очевидно, увидев единодушие отцов Собора в вопросе осуждения Максима, он согласился с уже принятым решением. Тем не менее, Тимофей инициировал рассмотрение на Соборе вопроса о легитимности пребывания на Константинопольской кафедре свт. Григория. Александрийский архиепископ настаивал на незаконности перехода Григория с Сасимской кафедры в Константинополь⁹. В результате свт. Григорию принял решение отказаться от столичной кафедры ради воцарения мира. Вместо него новым Константинопольским епископом был избран свт. Нектарий¹⁰.

Во время работы Собора сам Максим находился на Западе, пытаясь найти там поддержку. Отчасти это ему удалось. Например, его поддержал свт. Амвросий Медиоланский. В сентябре 381 г. в Аквилее по инициативе свт. Амвросия состоялся Собор, который признал Максима законным Константинопольским епископом и негативно оценил избрание свт. Нектария (приемника свт. Григория Богослова на Константинопольской кафедре). После Собора свт. Амвросий направил письмо императору Феодосию, в котором говорил, что правомерность рукоположения Нектария остается неочевидной. По словам свт. Амвросия, Максим привез на Запад рекомендательное письмо от Александрийского архиепископа и подтвердил этим, что остается в общении с Александрийской Церковью. Свт. Амвросий писал, что не имеет оснований подвергать сомнению епископский сан Максима. Потому он предлагал созвать в Риме Собор западных и восточных епископов для более детального обсуждения дела Максима¹¹.

Однако решающую роль в этом споре сыграла позиция Римского епископа Дамаса, который всё же не признал прав Максима на Константинопольский престол. Тем самым, Максим потерпел окончательное поражение. Анализ 4-го правила Второго Вселенского Собора

Как уже отмечалось, Собор в Константинополе принял специальное правило против Максима Киника. Приведем полностью его текст: «О Максиме Кинике и о произведенном им бесчинии в Константинополе (постановляем): Максим не епископ и не был епископом, так же и поставленные им на какую бы то ни было степень клира, и сделанное для него, и сделанное им – все считается не бывшим»¹².

Это правило довольно лаконично и жестко говорит как о недействительности хиротонии самого Максима, так и о недействительности всех хиротоний, которые совершил он сам. В правиле нет развернутых обоснований этого решения. Здесь просто констатируется: то, что совершил в Константинополе Максим, является «бесчинием» (

ἀταξίας). Формулировка «Максим не был и не является епископом» (μήτε Μάξιμον ἐπίσκοπον ἢ γενέσθαι, ἢ εἶναι) очевидно восходит к тексту 6-го канона I Вселенского Собора. Там говорилось, что всякий, кто рукоположен «без соизволения митрополита», тот «не епископ» (

μὴ δεῖν εἶναι ἐπίσκοπον). Таким образом, в 4-м правиле II Вселенского Собора получила развитие идея, которая и ранее присутствовала в церковном сознании. Всякая хиротония, совершенная с нарушением установленного порядка, является незаконной. Соответственно, кто рукоположен «бесчинно», тот не есть епископ.

В данном случае есть необходимость сделать отступление, и вспомнить, что не действительными также являются хиротонии, совершенные по доказанным случаям возведения в сан за деньги: так называемая симония (см. Ап. 29; IV Всел. 2; Трулльск. 22; VII Всел. 5, 19; Вас. Вел. 90). Таким образом, к нарушению установленного порядка хиротоний относятся многие случаи: симония, хиротония на другой канонической территории и проч. Все это, в конечном счете, суммируется в основополагающую каноническую норму: «Православная Церковь не признает поставлений, совершенных с нарушениями, хотя бы эти поставления и были совершены каноническими епископами»¹³, – по выражению известного канониста архиепископа Петра (Л'Юилье). Потому-то 4-е правило Второго Вселенского Собора является очень важным в вопросе о хиротониях.

Ведь в случае Максима хиротония была совершена вполне законными епископами, присланными в Константинополь Александрийским архиепископом. Однако их действия были квалифицированы Собором как «бесчиние», то есть как идущие вразрез с установленным порядком избрания и рукоположения епископов. Потому хиротония Максима была признана недействительной. Особо подчеркнем, что речь шла не о лишении Максима сана, а о том, что он изначально был рукоположен неправильно и потому никогда епископом не был.

Важно отметить, что ни в цитированном каноне, ни в сочинениях свт. Григория не ставится под сомнение православность Максима. Хотя свт. Григорий подвергает Максима критике, всё же он нигде не называет Максима еретиком. Также никто из современников Максима не обвинял его в ереси. Поддерживавший Максима свт. Амвросий Медиоланский однозначно считал его православным. Такого же мнения держался и Римский папа Дамас. Блаженный Иероним говорит, что Максим даже был автором трактата против ариан (О знаменитых мужах, 127)¹⁴.

В целом ни один современный Максиму источник не ставит под сомнение целостность его веры и строгость православия. Лишь писатели последующих эпох начинают обвинять Максима в ереси. В частности, в толкованиях Зонары и Вальсамона на 4-й канон II Вселенского Собора Максим обвиняется в «аполлинариевой ереси»¹⁵. Однако в документах II Вселенского Собора таких обвинений в адрес Максима Киника не встречаем. Да и в сам момент спора о действительности

его хиротонии аргумент ереси был бы обязательно использован кем-то из оппонентов Максима, однако этого не произошло.

Таким образом, и рукоположение самого Максима, и затем совершенные им хиротонии были признаны недействительными вовсе не по причине ереси. Речь шла исключительно о вопросах дисциплинарного характера. Это очень важный аспект «дела Максима».

Выводы Конфликт, порожденный в Константинополе действиями Максима Киника, позволяет сделать вывод о том, какие факторы обуславливали в Древней Церкви признание (или непризнание) законности епископской хиротонии. Вполне очевидно, что уже в IV в. таких факторов было два:

1) православная вера тех, кто совершает хиротонию, и того, кто её принимает; 2) соответствие этой хиротонии установленному порядку избрания и рукоположения епископов. Случай Максима Киника – это яркий пример того, как епископская хиротония была признана незаконной не по причине ереси рукополагавших или рукоположенного, а по причине нарушения установленных правил. Епископы одной Поместной Церкви совершили хиротонию на территорию другой Поместной Церкви. При этом на кафедре уже был епископ, который со всем основанием мог рассматриваться как законный епископ Константинополя. В любом случае, никакого разбирательства, а тем более суда над свт. Григорием, в этом направлении не проводилось. В результате действия египетских епископов в Константинополе были квалифицированы как ничтожные, т.е. как не имеющие силы. А сам Максим объявлен не имеющим и никогда не имевшим епископского сана.

Этот исторический пример крайне важно помнить сегодня, когда ведутся споры вокруг законности епископских хиротоний, совершавшихся в раскольнических сообществах в Украине. В 2018 г., принимая в общение без перерукоположений епископов из УПЦ КП и УАПЦ, Константинопольский Патриархат аргументировал это тем, что УПЦ КП и УАПЦ оказались в расколе «не по догматическим причинам»¹⁶. Это был ключевой и, по сути, единственный аргумент Константинопольской Церкви.

Однако, как показывает случай Максима Киника, епископская хиротония может быть признана недействительной и в том случае, если к православному рукоположенному (как и к рукополагающему) нет никаких претензий. Хиротония, совершенная с нарушением канонических правил, также может быть признана не бывшей. Вполне очевидно, что и в УПЦ КП, и в УАПЦ епископские хиротонии совершались с отступлениями от канонических норм. Потому сам по себе аргумент, что эти сообщества не исповедовали еретических доктрин, нельзя признать достаточным для признания законными совершавшихся в них рукоположений.

Потому в дискуссиях о преодолении кризиса в украинском православии необходимо принимать во внимание, в том числе и 4-е правило II Вселенского Собора. _____¹ Здесь и далее поэма св. Григория «О моей жизни» цитируется по изданию: Григорий Богослов, св. De vita sua. Стихотворение, в котором святой Григорий пересказывает жизнь свою / Перевод свящ. А. Зуевского. М., 2010.

² См.: Григорий Богослов, св. Творения. Т. 2. М., 1843. С. 266-290.³ Иероним Стридонский, блаж. Творения. Ч. 5. К., 1879. С. 341.⁴ Нередко можно встретить мнение, что свт. Григорий сам же и рукоположил Максима Киника в сан пресвитера.

⁵ Подробнее см.: Шмалий В., свящ. Арианство // Православная энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 221-225⁶ Подробнее см.: Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и учение святителя Григория Богослова. М., 2007. С. 71-84.

⁷ Здесь типичная для св. Григория игра слов. Максим принадлежал к школе философов-киников, наименование которой (κινικοί) обычно производят от греческого слова «собака» (κύων).⁸ Подробнее по этому вопросу см.: Правило 14 Святых Апостолов, Правило 15 Первого Вселенского Собора, Правило 18 Трулльского; и толкование данных правил у прп. Никодима Святогорца и еп. Никодима (Милаша)

⁹ Также по теме перемещения епископов с кафедры на кафедру см.: Петр (Л'Юилье), архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов / Авториз. пер. с франц.; Под ред. прот. Владислава Цыпина. М., 2005. С. 144-148

¹⁰ Подробнее см.: Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и учение святителя Григория Богослова. С. 101-109.¹¹ Амвросий Медиоланский, свт. Собрание творений: На латинском и русском языках. Т. IV. Ч. 2. Письма 54–77. Письма, не вошедшие в собрание (Epistulae extra collectionem). М., 2015. С. 370-374.

¹² Цит. по: Петр (Л'Юилье), архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов / Авториз. пер. с франц.; Под ред. прот. Владислава Цыпина. М., 2005. С. 208.¹³ Петр (Л'Юилье), архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов. С. 208.

¹⁴ Иероним Стридонский, блаж. Творения. Часть 5. К., 1879. С. 341.¹⁵ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2011. С. 94-96.¹⁶ См.: Коммюнике по итогам заседания Св. Синода Константинопольского Патриархата от 11.10.2018. [Электронный ресурс:]

https://www.patriarchate.org/announcements/-/asset_publisher/MF6geT6kmaDE/content/communiq-1?_101_INSTANCE_MF6geT6kmaDE_languageld=el_GR. Дата обращения: 15.10.2018.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/89291/>